

Москвичка, -1993, -сент. (№ 28), -с. 3.

Драматург, поэтесса, писательница... Роковая женщина, Прекрасная Дама, анархистка, консерватор... Virtuоз эпатажа общества... И мать сыновей-близнецов Петра и Павла. Все это — бесконечные ипостаси одного и того же человека — Марии Арбатовой, пьесы которой переводятся на все западные языки и... почти неизвестны у нас.

Фото А. Нагальяна.

Мария АРБАТОВА:

— Мария, ваши пьесы с таким трудом пробиваются на отечественную сцену потому, что вы женщина или ..?

— Вот это было бы проще всего: обвинить общество в дискриминации лично меня как драматурга и замкнуться в гордом самолюбии. Конечно, если бы я была мужчиной, возможно — подчеркиваю — возможно, в чем-то мне было бы легче. Но только в том случае, если бы я писала пьесы «про паровоз», а не о живых людях. Но вообще женская драматургия у нас находится в странном, мягко говоря, положении. Я лично считаю, что пьесы женщин должны ставить женщины, поскольку мужчины воплощают мои, например, идеи с «точностью до наоборот». Но женщин-режиссеров у нас еще меньше, чем женщин-драматургов.

— И откуда — феминизм как способ самозащиты?

— Очень логично и совершенно не правильно. Я всегда была феминисткой, просто не знала об этом, как мольеровский Жорж Данден не знал, что всю жизнь говорил прозой. Я просто не могла не прийти к феминизму, когда познакомилась с активными деятельницами этого движения и поняла, что вот эту самую идеологию я и исповедую. Вся моя биография — это борьба за восстановление чувства собственного достоинства. Причем борьба не на жизнь, а на смерть — и, поверьте, я ничего не преувеличиваю.

— Вы имеете в виду карьеру?

— Да Бог с вами, я говорю о себе как о личности. Мне еще года не исполнилось, когда я заболела полиомиелитом — тогда у нас была эпидемия этой болезни. И меня тут же бросили в цепкие объятия системы здравоохранения. Об этом нужно отдельно рассказывать — о всех больницах, санаториях, интернатах для хронически больных детей: это ГУЛАГ, который еще ждет своего Солженицина. И альтернативы тут нет — либо эта система тебя перемелет, и ты всю жизнь будешь доживать в качестве «убогонького», либо станешь независимым человеком. Я не сломалась, хотя для этого было много «удачных» моментов...

— Например?

— Например, когда в четвертом классе очередного специнтерната меня зверски избил. Лупил весь класс — ногами, костылями. А я была в классе этаким «чучелом» — почему-то вызывала вот такое озлобление. В общем, я сбежала к родителям через весь город, лицо пришлось шарфом закрыть, потому что лица как бы не было, а было нечто... ну, незастычивое, скажем. Родители помогли не озлобиться, не сломаться, а сохранить в себе личность. Потом умер мой отец — для меня это был страшный удар, как бы крушение всего. В общем, хватило. Но чем старше я становилась, тем меньше была склонна позволять кому бы то ни было меня унижать — морально ли, физически ли. Да сейчас я и не смогла бы вести себя по-прежнему, как нормальная советская женщина. Если бы я сейчас вошла в роддом и со мной попробовали бы разговаривать так, как шестнадцать лет назад, когда я рожала своих сыновей... я бы... я бы...

— Вы бы его на кусочки разнесли?

— Без-ус-лов-но! Женщина рождает человека и с ней нельзя обращаться как с пьяным скотом у пивного ларька: «Ну, ты... ну пошла... полежишь — не сдохнешь!» Нельзя так! А наши женщины не только терпят, но и считают все это само собой разумеющимся. Взять хотя бы наше исконно российское: «Бьет — значит любит». Это ведь ни на один иностранный язык невозможно перевести. Никто не поймет, потому что там либо — бьет, либо — любит, либо ни то, ни другое. Так что для

и робот!

— Пощадите! Наши прабабушки и бабушки крестились при слове «чувственность» (если вообще его знали), а детей растили, как правило, нормальных.

— Да, но ведь понятие «нормы» меняется. Меняются и условия нашей жизни. Пожалуйста: в течение прошлого года, например, «разлетелись» почти все семьи моих подруг — казалось бы, нормальные и благополучные. С семей сняли пресс, тяготивший все общество, и они рассыпались. Я, правда, говорю только о людях своего круга и своей возрастной группы, но думаю, что везде происходит примерно одно и то же. Мы вот жалуем эмигрантов: «Ах, им так трудно, в чужой стране без корней...» Да им легче, чем тем, кто остался здесь, потому что жить по-новому в той же самой стране, на той же самой улице сложнее, чем начинать все сначала на новом месте. Уезжая, морально настраиваешься на то, что все будет «не как у нас». А оставаясь, надеешься на какую-то неизменность. Но все равно все вокруг меняется, а мы только глазами хлопаем: в какой стране живем?

— Ну, со страной вопрос сложный,

ту, которая была при матриархате.

— И за матриархат?

— А почему бы и нет? Многие мои знакомые — настоящие мужчины, уверяю вас, считают, что именно матриархат спасет наше общество. А я бы добавила, что необходимо начинать не с политических баталий и не с демонстраций протеста, а с создания женской культуры, которой у нас просто нет. Так, отдельные всплески вопреки мужским доминантам. Но как может появиться свободная и независимая женщина, если она растет в плотном окружении мужской, фаллократической культуры? Нужна женская литература, женская живопись, женская драматургия, признание права на женское мышление, наконец! И как только нам удастся создать такую женскую культуру, появится новое поколение свободных женщин, а не «женщин с правом на свободу», которое им просто некогда реализовывать. Ведь женщины, особенно матери, постоянно вынуждены защищать своих детей: от унижений в школе, от армии, от насилия. И при этом почти у всех напрочь отсутствует чувство собственного достоинства и руководит ими лишь слепой материнский инстинкт. Ре-

«Я всегда была феминисткой. Просто не знала об этом»

меня идеи феминизма — это продолжение идеи уважения прав человека, для меня эта идеология как бы «вытекла» из необходимости с детства не жить, а выживать, постоянно принимать самостоятельное решение и ни на кого не надеяться. Самое интересное, что в таком положении в общем-то находится большинство женщин, просто они в этом не признаются.

— То есть как не признаются? А пресловутая «маскулинизация» женщин?

— А это — примитивный лобовой ход. Большинство же умных женщин, то есть все женщины, у которых есть хоть капля здравого смысла, вынуждены постоянно прикидываться «шваброй», чтобы не терпеть унижений со стороны мужской части общества. Влетает такая женщина домой с четырьмя сумками наперевес и начинает лебезить перед супругом: «Ах, дорогой мой, прости, ты тут голодный. Я задержалась... Знаешь, я вот защитила пару диссертаций, получила Нобелевку, но это все, конечно, ерунда, сейчас я тебя покормлю, а потом постираю тебе носки...» И везет на себе весь воз проблем, плюс пытается успокоить мужа, которому страшно не нравиться... мм-м... ну, политика Государственного банка. Или Гондурас его беспокоит. Он сидит с газетой перед телевизором и ворчит, ворчит, ворчит... И в голову не приходит газетку-то отложить и попытаться подзаработать, чтобы хоть что-то улучшить. Сделать что-нибудь, чтобы лучше стало хотя бы его собственной семье. И в то же время подавляющее большинство женщин считают, что быть незаужней неприлично. И готовы идти за кого угодно, лишь бы эти самые «приличия» соблюсти.

— С этим довольно трудно согласиться: число разводов у нас фантастически большое. И из-за этого страдают все: женщины, мужчины, дети...

— Ерунда! Любый развод детей спасает — от моральной диктатуры отца. Сплошь и рядом женщина «убегает из брака» потому, что ее муж начинает — чаще всего бессознательно! — подавлять детей, особенно сыновей. Ему хочется быть «главным самцом в прайде», хотя он сам этого иногда и не понимает. А годы уходят, подрастает молодежь, и все труднее оставаться главным только «по праву старшинства». Я вам скажу, почему женщины моего поколения бросаются в объятия молодых людей. Потому что эти люди ничего не боятся: ни милиции, ни правительства, ни начальства, ни пистолета в кармане. С ними женщина меньше чувствует себя матерью, чем со своими ровесниками, как бы парадоксально это ни выглядело. Но мы отвлеклись. Так вот, я считаю, что лучше неполная семья, чем полная, в которой супруги «в работе как в проруби, в постели как на войне». Потому что жизнь с нелюбимыми уродует и самих женщин, и их детей. У меня масса приятельниц, которые годами не спят со своими мужьями и стонут: «Я живу с этим подонком только ради дочери!» А дочь как раз это и калечит, потому что ребенок, выросший в доме, где нет чувственности, — урод

так что давайте лучше о женщинах. Нормы действительно меняются и «светлый образ Наташи Ростовской», кажется, окончательно потускнел...

— А Наташи Ростовской никогда и не было! Была индустрия фаллократического общества, которая делала женщину «удобной» для мужчины, и в которой доблестно работал граф Лев Николаевич Толстой. Я, например, не верю в то, что Наташа Ростова могла быть счастлива, потому что в романе описано представление о женском счастье мужчины. И это не только у Толстого. Возьмите еще один «милый идеал» — Татьяну Парину. Да ведь это просто эзк какой-то в малиновом берете. От всего отказалась, всего себя лишила ради какой-то идеи и любит себя собственным несчастьем. Все эти пушкинские, тургеневские, толстовские героини — это какие-то привидения, это как бы «девушки с веслом» того времени. То есть это не те женщины, которые были, это женщины, которые должны были быть. Идеал женщины в глазах мужчин. А княгиня Ольга, Авдотья Рязаночка — героини, которые действительно были в русской истории, — куда менее популярны в литературе и в искусстве. Почему? Потому что они неудобны в качестве примера для подражания. Мужчинам неудобно.

— Хорошо, а Анна Каренина — удобна?

— Почему вы так решили? Она тоже очень несчастна, только Толстой тут решил поиграть в вольнодумие. По принципу «евреи — тоже люди, женщина — тоже человек». А на самом деле «добродетельная» Долли Облонская и «грешная» Анна Каренина — это просто две рабыни Изауры, которые могут выбирать только как они могут быть несчастны, потому что счастливыми они никогда не будут. Но они вообще не выбирают, выбор за них делает общество, которое живет мужскими, фаллократическими ценностями. А для такого общества лучшая женщина — это та, которая отказывает себе во всем, в том числе и прежде всего в праве быть счастливой. На ее примере воспитывается следующее поколение, и так далее, без остановок, а общество ностальгически комплексует из-за утраты «милых идеалов». Это когда появляется феминизм. И про его сторонник немедленно начинают говорить...

— ...Мужененавистницы.

— Правильно. Или — лесбиянки, хотя трудно найти что-либо более далекое от феминизма, чем «розовые». Ведь они просто подражают мужчинам, то есть предают свой пол. Я не против однополости любви — теоретически. Каждый выбирает то, что ему больше нравится. Но прошу: не путайте феминисток с лесбиянками, не нужно. Я лично считаю, что мужчина — это лучшее, что природа создала... для женщины. Но активно не приемлю «мужскую формулу любви»: раз «осчастливил» женщину своей любовью, значит, ей больше и мечтать не о чем, и стремиться некуда, и на кого-то еще внимание обратить — Боже сохрани! Говоря научным языком, я — за полиандрическую семью, то есть за

результаты налицо. А вот если женщина почувствует свою ценность как личности, они никому не позволят собой помыкать: ни мужу, ни начальнику, ни санитарке в роддоме, ни политикам с их завиральными идеями. Она родит и воспитает нормальных детей, причем никому не позволит их унижать или третировать. Вот это и есть матриархат, а совсем не то, что представляется распаленному мужскому воображению.

— А как к вашим убеждениям относятся ваши сыновья? Мужчины?

— Да они-то и привели меня к идеям феминизма. Хотя, может быть, и не догадываются об этом. Одно время они посещали детский сад, где все воспитатели были уникальными и писали диссертации по поводу воспитания принципиально новых людей. И уже потом я выяснила, что эти супервоспитатели ставили в угол детей, которые не хотели спать днем, причем не просто ставили, а заставляли держать в руках подушку и матрасик. Я представила себе этих крох с матрасами, больше их самих, и в ужасе спросила сыновей: «А почему же вы мне ничего не говорили?» (Они к тому времени уже учились в школе.) И в ответ услышала жуткую фразу: «Мы думали, что так и нужно». Наверное, тут я и стала феминисткой и больше никогда не позволяла обижать своих детей. И в школе прослыла «скандалисткой», потому что не способна была покорно сносить все выкрутасы отечественной педагогики. А ведь так мало родителей способны вступить за своего ребенка, даже если педагог явно не прав. Это же пе-да-гог! Ох...

— Тем не менее феминистки ведут себя достаточно активно, я бы даже сказала — агрессивно, не только защищая своих детей...

— Болезнь роста. Да, сегодня большинство женщин-феминисток чем-то напоминают лудистов в Англии, которые ломали машины, потому что считали их основным источником зла. Поэтому феминистки и нападают на мужчин, обвиняя их подчас совершенно несправедливо. Но «процесс пошел», и все эти переклесты сгладятся. Просто женщинам нужно научиться уважать себя, а мужчинам — признать за ними это право — это здоровье, любовь и гармония, а не пушки, танки и цвет государственного флага. Ничего прекрасного танками не завоеешь. И ни для кого не секрет, что мужская цивилизация на сегодняшний день практически зашла в тупик. А Господь ведь дал женщине огромный эмоционально-духовный потенциал, и как раз сейчас самое время обществу оценить его и востребовать.

— Последний вопрос: ваше представление о женском счастье?

— Любимая профессия, любимые дети и любимый человек. Этого не так сложно добиться, как представляется. Просто нужно иметь чувство собственного достоинства. И воспитывать его в своих детях.

— Остальное приложится?

— Можете в этом не сомневаться!